

ОЛЬГА ОЗЕРЦОВА

**РУСЬ И ФРАНЦИЯ.
ТАЙНЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
РУКОПИСЕЙ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Озерцова
Русь и Франция. Тайны
средневековых рукописей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68518871

SelfPub; 2023

Аннотация

Русь и Франция в XII-XIII веках. Те представления о горе и голоде, которые Ле Гофф исследовал по хроникам, встречаются и в летописях. Даниил Заточник и ваганты, книжники и трубадуры, в их словах и песнях много общих тем и чувств. Роман Кретьена де Труа о Граале и «Слово о погибели Русской земли» не окончены (или оборваны)... Мы очень мало знаем и о Кретьене, и о Данииле, о других авторах. Но в их рукописях можно найти что-то интересное и важное и для современного читателя.

Содержание

Глава 1. Ле Гофф о горе и голоде в Средние века. Хроники и летописи	4
Глава 2. Даниил Заточник и ваганты	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ольга Озерцова

Русь и Франция. Тайны средневековых рукописей

Глава 1. Ле Гофф о горе и голоде в Средние века. Хроники и летописи

Коль не от сердца песнь идет,

Она не стоит ни гроша ...

Бернарт де Вентадорн, Франция, XII в.

В сознании современного человека иногда возникают некоторые мучительные представления, которые являются не только воспоминанием о недавней истории XX века, но имеют и более древние, архаические корни. Так, страх перед голодом восходит к общим для Средневековья переживаниям XI-XIII век, когда человек был очень неуверен в изобилии материальных благ, страх перед голодными годами и мечта о почти райской обильной еде проявляются особенно ярко и в Западной Европе, и на Руси.

Выдающийся французский историк, представитель школы «Анналов», Жак Ле Гофф, автор интересных, новатор-

ских работ «Интеллектуалы Средневековья», «Воображение в Средние века», «История и память» и др., в «Цивилизации средневекового Запада»¹ пишет: «...средневековый Запад представлял собой мир, находящийся на крайнем пределе... мир жил в состоянии крайне неустойчивого равновесия. Средневековый Запад – это прежде всего универсум голода, его терзал страх голода и слишком часто сам голод». Поэтому и мечты человека той эпохи касались именно этой темы. Описания счастливой «Страны Кокань» в английской поэме и французских фавлю полны изображений деликатесов. По словам Ле Гоффа, «воображение средневекового человека неотступно преследовали чудеса, связанные с едой, начиная с манны небесной в пустыне и кончая насыщением тысяч людей несколькими хлебами. Оно воспроизводило их в легенде почти о каждом святом. Интересно, что и сам таинственный Грааль, который страстно и мучительно ищут герои средневековых рыцарских романов, восходит к чаше с кровью Христа, собранной Иосифом Аримафейским, она обладает способностью насыщать своих избранников неземными яствами. Возможна и связь Грааля (Grael) с корзиной изобилия (ирл. cruol) кельтских мифов. Название таинственного замка Корбеник, где хранился Грааль, также происходит от франц-валлийского Cor (s). Benoît «благословенный рог» («рог изобилия»)).».

Интересно, что в Древней Руси с раем или какой-либо

---

¹ Ж. Ле Гофф Цивилизация средневекового Запада М., 1992

волшебной землей также связывалось представление об особых чудесных свойствах пищи, находящейся там. В средневековом романе «Александрия» Александр Македонский посещает блаженную страну «нагомудрецов» рахманов, где на прекрасных деревьях растут, не переводясь, различные плоды и течет река, вода которой светла и бела, как молоко. Схожие представления о «молочных реках с кисельными берегами», о скатерти-самобранке и т. д. отразились и в фольклоре.

В замечательном переводном апокрифе «Хождение Агация в рай» игумен Агапий видит в раю прекрасную трапезу и хлеб, белее снега. Этот хлеб, полученный Аганием, оказывается, обладает волшебными свойствами. Им можно насытить умирающих от голода корабельщиков, воскресить отрока, его «укрухом» питается Агапий в течение долгих лет²

Волшебные свойства райского хлеба не исключение. По словам Ле Гоффа, «объектом всех этих чудес являлся хлеб – не только в память о чудесах Христа, но и потому, что он был основной -пищей масс». Необыкновенные качества хлеба или иной пищи, связанной с раем или святым, проявляются особенно ярко во время голода. Очень любопытен рассказ о Прохоре Лебяднике в «КиевоПечерском Патерике». Этот святой жил в Киево – Печерском монастыре во время княжения Святополка Изяславича и питался хлебом, который делал сам себе из лебеды: «на неоранной земли ненасе-

---

² Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971. С. 466-473.

анная пища бываше ему», говорится об этом в патерике. Когда же начался «глад крепок» в Русской земле, Прохор раздавал хлеб из лебеды многим голодающим. Оказалось, что этот хлеб особенный; если кто брал его с благословением от блаженного, то был он светел и сладок, как мед, а если воровал тайком, то становился горьким, как полынь. Когда же из-за междоусобиц не стало соли, то Прохор собирал пепел, превращал его в соль и раздавал всем желающим. Из-за этого цена на соль упала, а торговцы ею пошли жаловаться к князю. Думая угодить им, а также нажиться самому, князь велел забрать всю соль у монаха, собираясь сам продать ее по высокой цене. Но тогда соль превратилась в пепел. Множество же народа, увидев, что старец пограблен, «проклинали створившего сие». Старец же посоветовал им собрать пепел, выкинутый князем, и тогда он вновь превратился в соль. Князь покался и стал чтить монастырь и особенно Прохора.

Кроме чудесных свойств хлеба из лебеды в этом рассказе обращают на себя внимание несколько интересных деталей. Некоторым из них есть параллели в материалах из западноевропейской истории, используемых Ле Гоффом. В рассказе о Прохоре Лебяднике приведен рецепт той пищи, которую можно использовать во время голода - это лебеда. В хронике Рауля Глабера (XI век) описывается, как «многие люди извлекали из почвы белую землю, похожую на глину, примешивали к ней немного муки, соли, отрубей и пекли из этой смеси хлеб». «Очень сильный голод в Моравии

и Австрии, многие умерли, ели корни и кору деревьев(1263 г.). «В Австрии, Иллирии и Каринтии был такой сильный голод, что люди ели кошек, собак, лошадей и трупы». «Потребление недоброкачественных продуктов -травы,испорченной муки, вообще негодной пищи, иногда даже земли, не считая человеческого мяса... влекло за собой болезни.»Во время голода происходили и случаи канниализма.

Другой мотив, встречающийся и в западноевропейских хрониках, и в патерике,— это дороговизна продуктов, спекуляция богатых людей и взаимоотношения праведника со светской, княжеской властью, возмущения горожан. В рассказе Патерика «глад крепок», «усобицы», «рати» от половцев автор считает наказанием за насилия князя. Голод, отсутствие соли возникли в результате рати Святополка , произошедшей из-за коварного ослепления Святополком князя Василька. Страшное преступление сильно поразило современников. Бог, по мысли автора, «наводит на ны овогда глад, овогда же рати за неустроение сущаго властелина», «делаяще злаа и неподобнаа дела предани будутъ злым и немилостивым властелином грех ради наших».

Эта яркая нравственная оценка и повышенная эмоциональность является особенностью в описании голода в литературе Древней Руси. В ней встречаются и другие мотивы, свойственные западноевропейским хроникам: страшные изображения множества трупов на улицах городов, которых не успевают предать земле, и уход, или изгнание голодающих

в другие земли. Сцены «очищения от голодающих» ярко запечатлены в легенде о Гамельнском крысолове-флейтисте и в итальянском сборнике XIII века «Новеллино». Власти позвали бедняков на корабли, обещая хлеб, и отправили всех в Сардинию. Там не было голода, а в Генуе таким образом прекратилась дороговизна.

Чаще всего изображения голодных лет встречаются в новгородском летописании. Новгородская республика, расположенная на севере, особенно зависела от погодных условий и привоза зерна. Поэтому эффективным средством в борьбе князей с Новгородом был захват Нового Торга, современного Торжка, через который подвозили зерно в город. На примере описаний голода в Новгородской летописи интересно рассмотреть, как для постоянных мотивов находится особое средство художественного воплощения. Такое явление древнерусской поэтики, как синонимические перечисления экспрессивных существительных, отображающих скорбь и другие трагические чувства человека, придают особенную выразительность сценам голода. Прием перечисления эмоционально окрашенных существительных уходит корнями в переводную книжность и фольклор (грусть-тоска, тоска-кручина), но в новгородском летописании выполняют необычные художественные задачи. Большинство эмоциональных перечислений лаконичны и являются парными сочетаниями (повторяются лишь два существительных). Например, «Нового-

роде печаль и выпль»³ Поражает ритмическая выразительность и целостность стилистических формул такого рода. В них проявляется безукоризненное чувство ритма. Если книжник распространяет высказывание «Новегороде печаль и выпль» словом плач, то он удлиняет фразу добавлением «по городам и селам>>. Если летописец пишет «О велика скорбь бяше в людях», он заканчивает коротким «и нужда». Но если хочет поставить не один, а подряд два эпитета «великий» – «И велик мятеж, и велика беда», он обязательно находит более длинную концовку, разрешающую ритмическое равновесие. Можно предположить, что такая афористическая законченность обусловлена многократным повторением подобных формул в устной традиции. Но художественное мастерство проявляется не только в совершенстве самой стилистической формы афоризмов, но и в особой художественной значимости их.

Почти все они встречаются в описаниях голодных смертей в Новгороде. Трагическая сила этих отрывков, художественная острота и законченность поразительны. Рассмотрим, как она достигается стилистически. Сочетание «туга и беда» фигурирует в описании голода под 6636 (1128) года:

«В се же лето люте бяше осмилька ръжи по гривне бяше; и ядыху люди листь липов, кору березову, инии молиц истълькше, мятуще с пельми и с соломою; инии ушь, мьх, кони-

---

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.: Л., 1950.

ну, и тако другим падъшим от глада, трупие по улицам и по тѣргу и по путьмъ и всюду: наяша наемити возити мертвѣця из города съмородѣм нелга вылести. Туга, беда на всех. Отец и мати чадо свое вѣсажаеши в лодью даром гостѣм, ово их измороза, а друзии разидошася по чюжим землям. И тако по грехом нашим погыбе земля наша»⁴ Мы видим, напряженная художественная выразительность достигается именно сочетанием эмоциональных восклицаний с конкретными, почти натуралистическими деталями. Некоторые из этих бытовых подробностей, отмечавшихся ранее в западноевропейских хрониках, встречаются и в новгородских летописях, когда лето писец, не прибегая к другим средствам, описывает голод. Чаще всего перечисляются цены на продукты. В таких случаях это напоминает деловой характер берестяных грамот. «Бысть дорогов в Новегороде: купляхуть кадь ржи по 4 гривне, а хлеб по две ногате, а мед пуд по 10 кун»⁵. Очевидно, здесь отражается деловая жизнь торгового города.

Можно выделить и те постоянные мотивы, о которых мы упоминали. Это и подробное изображение того, что люди едят с голоду, и ужасное описание множества трупов. Мотив отдачи детей в рабство соответствует тем сценам «очищения от голодающих», о которых писал Ле Гофф. Гамельнский крысолов-флейтист уводит детей, голодных бедняков

---

⁴ Там же. С. 206.

⁵ Там же. С. 221.

увозят из Генуи на кораблях, подобно тому как в новгородской летописи родители сакают детей даром в ладью к купцам. Люди расходятся по <<чужим землям», что вызывает яркий и значимый для литературы XI-XIII веков образ-представление о «погибели земли». В отличие от западноевропейских текстов, уход людей в другие земли становится болезненным переживанием, которое древнерусский книжник возвышает до впечатляющего художественного обобщения.

Иногда восклицания вклиниваются в текст, наполненный более страшными деталями. «Изби раз на Вьдвижение четьнаго хреста обилье по волости нашей, и оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а в дворех по пол-30, а пшенице по 40 гривен, а пшена по 50, а овсе по 13 гривен. И разидеся град нашъ и волость наша, и полны быша чюжии гради и страны братье нашей и сестр, останьи почаша мерети. И кто не просльзиться о семь, видяще мертвця по уличам лежащи, и младенця от пьс изедаемы. И вьложи бог в сердце благо створити архиепископу Спыридону: и постави скудельницу у святых Апостол, в яме, на Просьской улицы, и пристави мужа блага, смирена, именьмъ Станила, возити мъртвця на кони, где обидуце по городу и тако беспрестани по вся дни влачаше, и наполни до върха, иже бысть в нем числом 3000 и 30»⁶ Ростислав ушел в Торжок, убили Семена Борисовича, разграбили его двор и много иных дворов, дали посадничество Степа-

---

⁶ Там же. С. 9-70

ну Твердиславичу, пригласили и Ярослава княжить в Новгород, но тот «седел» две недели и ушел, оставив двух сыновей. . Рассказывается о смерти и погребении игумена Саввы. и потом снова: «Мы же на преднее възвратимся, на горкую и бедную память тоя весны. Что бо рещи или что глаголати о бывшей на нас от бога казни. Яко инии простая чадь резаху, люди живыя и ядыху, а инии мъртвая мяса и трупие обрезающе ядыху, а друзии конину, псину, кошки: If тех осочивъше, тако творяху, овеих огным ижгоша, а других осекоша, иных извешаша; ини же мѣх ядыху, ушь, сосну, кору липову и листь, ильм, кто что замысля; а инии паки злии чело-вечи почаша добрых людии дома зажигати, кде чююче рожь, и тако разграбливахуть имение их, в покаяния место злое; и горцяшии того быхом на зло, а видяще пред очима наши-ма гнев божи: мъртвеци по уличам и по торгу и по мосту по великому от пѣс изедаемы, оже не можаху погребати. И поставиша другую скудельницу на поли, коньць Чюдиночеве улици, и бысть та пълна, в неиже числа несть; а 3-тью поста-виша на Колени, за святымъ Рожьством, и ти же бысть пъл-на, в неиже числа несть. Тоже нам все видяще пред очима, лучьшим быти, мы же быхом пущыщи: брат брату не съжа-ляшеться, ни отецъ сынови, ни мати дъчери, ни сусед суседу не_уламляше хлеба, ни бысть милости межи нами, и бяше туга и печаль, на уличи скърбь друг с другом, дома тѣска, зряще детин плачюще хлеба, а другая умирающая. И купля-хом по гривне хлеб и побольшую, а ржи 4-ю часть кади куп-

ляхом по гривне серебра; и даяху отци и матери дети свое одьрень ис хлеба гостьм. Се же горе бысть не в нашем земли в одиной, и по всей области Русскеи кроме Кыева одного>>. Мы видим все встречавшиеся ранее мотивы: и перечисление дороговизны того, что люди едят, и множество мертвых. Жутковатое описание прерывается сухим отчетом о политических событиях. Потом снова сцены того, что творится в городе. Грабежи и пожары связаны с каким-то безнравственным поведением власть имущих, возможно спекуляцией (<<где чююче рожь>>) , начинает звучать моральное осуждение, встречающееся и в рассказе о Прохоре Лебяднике. Вклинивается в текст и как бы подробно и детально раскрытое изображение <<погибели земли>. В то же время мы снова встречаем эмоциональные восклицания-перечисления. «Мы же на преднее възвратимся, на горкую и бедную память той весны...». Упоминанием <<горькой и бедной памяти той весны>> летописец подчеркивает незабываемость трагедии, эмоциональная оценка должна увековечить ее для иных времен. В предпоследнем отрывке эмоциональные существительные, лишь обобщенно названные в других местах летописи, приурочены к разным местам, словно распределены по ним: на улице – скорбь, а дома – тоска. Подобное встречается в «Слове о полку Игореве» и в «Слове Даниила Заточника», где туга, печаль, тоска связаны с какими-то определенными местами или городами. Но в Новгородской летописи встречаем и еще один интересный момент. В ней

есть попытка раскрыть и нравственные причины туги, печали, скорби – между людьми нет милости, они не хотят поделиться хлебом, тоска, потому что дети плачут о хлебе. Так формируется страшное представление о погибели земли.

Итак, в древнерусских текстах встречаются те же, что и в западноевропейской литературе, мотивы и представления, ассоциирующиеся с голодом. Возможно, это связано с типологической близостью ситуаций. Но мы встречаем и некоторые особенности в новгородском летописании. Благодаря использованию эмоциональных восклицаний, сцены голода изображены с особой художественной экспрессией. Древнерусский книжник постоянно выражает свою скорбь, горе.

Мучительная нравственная оценка поведения людей, даже во время страшного бедствия забывающих о милости, жалости, справедливости, приводит к созданию обобщенно яркого представления о «погибели земли».

Милость, жалость, правда не только важны, но и могут стать спасением от «погибели».

Книги, подобные монографии Ж. Ле Гоффа, помогают понять историю как западноевропейскую, так и отечественную, да и, безусловно, сознание современного человека. ·

Глава 2. Даниил Заточник и ваганты

С принятием христианства в поэтике литературы Руси XI-XIII веков возникло причудливое сочетание книжной, прежде всего библейской традиции и фольклорной, восходящей к языческой образности. В условиях древнерусского двоеверия происходил процесс взаимообогащения, плодотворного взаимовлияния этих двух культур, приводящий к созданию ярких памятников. Одним из таких произведений было Слово Даниила Заточника.

Слово и Моление Даниила Заточника – памятник, вызывавший на протяжении истории его изучения самые противоречивые и противоположные мнения. Но, в основном, все дискуссии были сконцентрированы на нескольких спорных проблемах. Одним из таких вопросов был вопрос о времени возникновения редакций. Приоритет Слова доказывали Е. И. Модестов, П. П. Миндалев, И. У. Будовниц, С. П. Обнорский, Д. И. Абрамович, Б. А. Романов, М. О. Скрипиль, Н. Н. Воронин, приоритет Моления – В. Н. Перетц, Н. К. Гудзий, В. М. Гуссов и др.⁷

---

⁷ Е. И. Модестов, О послании Даниила Заточника ЖМНП, 1880, ноябрь, с. 184-185; П. П. Миндалев, „Моление Даниила Заточника" и связанные с ним памятники, Казань 1914; И. У. Будовниц Памятник ранней дворянской публицистики, ТОДРЛ, т. VIII, М.-Л. 1951; С. П. Обнорский, Очерки по истории русского

В центре же внимания оказывалась проблема авторства. Возможно, это объясняется и своеобразной, необычной для древнерусской литературы домонгольского периода яркостью выражения авторской позиции, которая сразу обращала на себя внимание ученых. Но тем не менее, различные интересные исторические предположения не привели к аргументированному выявлению авторства до тех пор, пока в работах Б. А. Романова и Д. С. Лихачева ⁸ не было предложено подойти к этому вопросу более широко и постараться определить не конкретное социальное положение и биографию, а найти тот социальный слой, к которому принадлежал Даниил Заточник. Причем Д. С. Лихачев впервые в качестве доказательства социальной принадлежности стал использовать стиль произведения. Таким образом, в истории изучения Слова и Моления Даниила Заточника исследованию поэтической системы и художественных приемов чаще всего отводилась подчиненная роль. Наблюдения над поэтикой па-

---

литературного языка старшего периода, М.-Л. 1946, с. 81-131; Д. И. Абрамович. Из наблюдений над текстом "Слова Даниила Заточника", [в кн.:] Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л. 1934; Б. А. Романов, Люди и нравы Древней Руси, М. 1947; М. О. Скрипиль, "Слово Даниила Заточника", ТОДРЛ, т. XI М.-Л. 1955, с. 72-95; Н. Н. Воронин, Даниил Заточник, [в кн.:] Древнерусская литература и ее связи с новым временем, М. 1966, Н. К. Гудзий, К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник., [в кн.] Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л. 1934; В. М. Гуссов, Историческая основа "Моления" Даниила Заточника, ТОДРЛ, т. VII, М.-Л. 1949.

⁸ 2 Б. А. Романов, Ук. соч.; Д. С. Лихачев, Социальные основы стиля "Моления" Даниила Заточника, ТОДРЛ, т. X, М.-Л. 1954, с. 106-119

мятника, в основном, ограничивались выявлением двух пластов лексики и художественных образов: это заимствования из разговорно-бытовой речи, фольклора и из переводной книжности⁹. Своеобразие же использования этих двух стилистических традиций в художественной

системе Слова и Моления (до указанной работы Д. С. Лихачева и продолжавшей его наблюдения статьи Н. Н. Воронина) почти не изучалось. И поэтому часто в памятнике не замечали особой поэтической системы, он казался "нескладной болтовней" (В. М. Гуссов)¹⁰, неоригинальной компиляцией заимствований из различных источников („При всем желании видеть некоторый план в этом сочинении, едва ли представит оно беспристрастному читателю что-нибудь иное, кроме набора

изречений и пословиц на различные темы" (Ф. И. Буслаев)¹¹.

Д. С. Лихачев, а вслед за ним Н. Н. Воронин по-иному подошли к стилю Слова и Моления Даниила Заточни-

---

⁹ См. Д. В. Айналов, Очерки по истории древнерусского искусства. I. Два примечания к „Слову Даниила Заточника", ИОРЯС, 1908, т. XIII, РН. 1, с. 352-354; подробное перечисление источников и параллелей, см. П. П. Миндалев, Ук. соч.; И. А. Шляпкин, „Слово" Даниила Заточника по всем известным спискам, СПб. 1889, с. 71-81 и др.

¹⁰ В. М. Гуссов, К вопросу о редакциях "Моления" Даниила Заточника, „Летопис. ист.-филол. общ. при: Новоросс. унив.", XIV, Одесса 1900, с. 5

¹¹ Ф. И. Буслаев, Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 2, Исторические очерки русской нар. словесности и искусства, т. 1, СПб. 1910, с. 92.

ка. Это позволило выделить особые черты поэтики Слова и Моления, отличающие его от других произведений, увидеть в нем целостность. Оно перестало казаться пестрой компиляцией из разных источников. Продолжая изучение стиля в направлении, начатом этими исследованиями, рассмотрим, как некоторые стилистические приемы функционируют в поэтической системе Слова и Моления, какими художественными средствами достигается особая эмоциональная: напряженность памятника и раскрывается психологическое состояние автора,

. Это позволит не только еще раз убедиться в яркости и своеобразии Слова, но и найти возможные типологические параллели между ним и произведениями других средневековых литератур, использующими в своей художественной системе аналогичные стилистические принципы.

Интересной является проблема авторства.

Именно этой проблемой и занимались, в основном, исследователи Слова. Даниила считали боярским холопом (Гудзий), сыном княжеской рабыни (Буслаев), членом младшей княжеской дружины (Модестов), думцем князя (Миндалев), дворянином и т.д. Список можно было бы продолжить. И, наконец, мнение Б. А. Романова.¹² Заточник "кандидат в любое общественное положение, куда приводит его игра случая", „человек, оторвавшийся от своего общественного стандарта". Романов придумал даже термин „заточниче-

---

¹² Б. А. Романов, Ук. соч., с. 11, 17

ство", подчеркивающий именно неустойчивость положения человека, к которому обращен.

Д. С. Лихачев¹³ впервые поставил вопрос о социальной среде, которая оказала влияние на Даниила, используя как доказательство, стилистический анализ. Отмечая влияние стиля скоморохов (т.е. русского варианта бродячих актеров), сказывающееся и в "в нарочитой сниженности стиля, и в пародийном переосмыслении Священного писания", Лихачев пишет: „Даниил только учился у скоморохов, но сам он скоморохом не был", Даниил- это своего рода "интеллигент" древней Руси XII-XIII вв., «интеллигент", принадлежащий к эксплуатируемым слоям общества"¹⁴.

Подход двух последних исследователей нам кажется наиболее продуктивным. Определить конкретное социальное положение вряд ли возможно, но найти ту среду, ту прослойку, к которой Даниил принадлежал, более вероятно.

Итак, Даниил принадлежит к людям неустойчивого социального положения, и как представителю их, ему свойственно "то уже совсем не смиренное отношение к жизни, то начало протеста, которым насквозь проникнуто все Слово (Шляпкин)¹⁵, т.е. своеобразная „кошунственность", бунт.

В идейном плане:

1. Выступления против богатства, богатых: „Зане, госпо-

---

¹³ Д.С. Лихачев, Ук.соч., с. 117

¹⁴ Там же, с. 116.

¹⁵ И. А. Шляпкин, Ук. соч., с. 6.

дине, богат муж везде знаем есть и иа чюжеи стране друзи держить... " ¹⁶.

2. Против монашества.

Но в еще большей степени оно проявляются в стиле. Момент сочетания "скоморошых", бытовых деталей, небылиц" подчас грубого просторечия, со словами из Евангелия, псалмами, сама возможность этого сочетания, до виртуозности органичного, демонстрирует собой удивительную свободу стиля. Но мы свободно не только сочетание, кощунственно и само осмысление библейских цитат. "Библейские образы постоянно употребляются Даниилом все с тем же оттенком легкой пародии" (Д. С. Лихачев).

3. Совмещение низкого, грубого и священного в одном произведении (т.е. не совместимого по христианским канонам).

4. Пародирование Священного писания до полной переоценки ценностей (вместо славы Господней собственная слава).

5. Также черта стиля Данна - любовь к общечеловеческим истинам, практической философии, дух времени (см. Белинский).

6. Особенностью стиля Данна является прославление мудрости, силы знания и книжного учения.

---

¹⁶ Н. Н. Зарубин, "Слово Даниила Заточника" по редакциям XII-XIII вв. и их переделкам, Л. 1932, с. 11, далее ссылки в тексте даются на страницы этого издания.

7. Чувство авторского достоинства.

Даниил – почти профессиональный писатель древней Руси, он своим талантом зарабатывает себе на жизнь (пока в виде милости князя).

В связи с этими особенностями возникает вопрос, на который не всегда обращали внимание – откуда у Даниила такая книжная образованность?

Даниил не без причины прославляет свою мудрость, он, действительно, по очень "многим книгам избирая сладость словесную и разум". Где-то Даниил получил очень серьезное книжное образование, причем на Руси („аз ни за море ходил" (33). На Руси такими аналогами "университетов", где имелись библиотеки, были монастыри. В какую-то пору своей бурной и неустойчивой жизни Даниил был либо монахом, либо просто сыном священника, либо учился для того, чтобы ими стать, по крайней мере, соприкоснулся с этой средой. Иначе объяснить его образованность в условиях древней Руси нельзя. Обличение монашества в Молении ничуть не опровергает это мнение, а, наоборот, то, что это его так задевает,

показывает слишком близкое знакомство с жизнью их. „Лучши ми есть тако скончати живот свои, нежели, восприимши ангельский образ богу солгати" (70). Даниил явно недолго был связан с монастырской жизнью, в дальнейшем его положение неустойчиво, и мог он быть, действительно и княжым милостником, и дружинником, и т.д. (впрочем хо-

лопом он вряд ли был, слишком большое чувство собственного достоинства звучит в его произведении). А скорее всего он пытается жить, используя свой талант и образование.

Итак, Даниилл, действительно, своеобразный «интеллигент» древней Руси.

Таким образом, на Руси в XII-XIII вв. была прослойка людей образованных, знакомых и с книжной мудростью, и с бытом, фольклором низов, с мирскими притчами, со скоморохами, им был свойствен дух "кошунства" и бунта, пародирование Священного писания, протест против богатства и клира. Люди эти могли быть из простых монахов, из священников, из думцев и т.д. Роднила их бродячая жизнь.

Мы знаем, в Западной Европе в XII-XIII веках была прослойка, типологически близкая к описанному – ваганты (*vagantes* – бродячие люди). Школяры, студенты, бывшие клирики, люди, получившие образование, но не удержавшиеся на тех местах, право на которые оно им давало. Вот как они пишут о себе.

Флора и Филида:

Или по сердцу тебе

эти вертопрахи –

Недоучки:, болтуны,

Беглые монахи?

Молью трачены штаны,

продраны рубахи...¹⁷

---

¹⁷ Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М. 1974, с.

Основной их особенностью была та же мирская направленность, та же "кощунственность", выражающаяся прежде всего в пародировании Священного писания. Правда, здесь кощунство доходило до более яркого своего выражения, чем у Даниила. Образцы этого бесконечны, прежде всего Всеппянейшая литургия, и если Даниил обращается к самому себе словами, адресованными к Богу, то здесь обращаются ими к Бахусу и кабаку, Примеры пародии многочисленны; это и целые жанры, например, Завещание, Апокалипсис Голиарда, От Луки Веселое Благовествование и т.д.

"Дух вольномыслия царит в их лирической поэзии, от которой, говоря словами Рабле, «скорее пахнет вином, чем елеем». Архипиит Кельнский мог, например, вполне благочестивую стихотворную проповедь неожиданно закончить обращением к Богу, которого он убедительно просит снабжать его деньгами, .. Серьезные жанры духовной словесности тем самым приобретали пародийное звучание"¹⁸

462, далее ссылки в тексте даются на страницы этого издания.

¹⁸ Е. И. Пуришев, Лирическая поэзия средних веков. Там же с.21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.